



## ДВѢ СМЕРТИ.

РАЗСКАЗЪ.

Гражданская бойня продолжалась всю ночь и не только не окончилась къ утру, но и обещала длиться долгое время съ большимъ ожесточеніемъ. Ревъ пушекъ почти не смолкалъ, трещали пулеметы, свистѣли пули. Стонали по улицамъ рапеные, плакали, металась женщины, дѣти... Жутко, кошмарно.

И, не смотря на все это, утро вслыхнуло, какъ и всегда, свѣтозарно. Торжественно поднималось солнце надъ вершинами горъ, весело щебетали птицы, вопишась въ кудрявой зелени деревьевъ... Чуть дулъ вѣтерокъ прохладный, разнося вокругъ сытный ароматъ съ полей. По смѣющейся ряби облаковъ вѣжно скользили розовые блики догорающей зари.

Коля Семеновъ, сынъ извѣстнаго въ городѣ врача-хирурга, съ грустнымъ раздумьемъ смотрѣлъ въ растворенное окно, выходящее въ садъ. Онъ никакъ не могъ обнять умомъ получившагося контраста. Съ одной стороны было гармоничное сочетание, красокъ, разнообразный говоръ птицъ, мягкое, ласкающее слухъ, шуршавіе листья, пьянящій ароматъ цвѣтовъ. Созерцая все это, думалось, что жизнь хороша, что прислушиваясь ко всему, вдыхая этотъ ароматъ, жить безусловно хотѣлось, но жизнь же, созданная самими людьми, этотъ пушечный ревъ, свистъ пуль, куски разорважнаго мяса, мозга, дужа алой крови, стоны и злобное рычаніе людей, все это было настолько отвратительно, ненужно, что положительное опускались руки, холодѣлъ мозгъ...

Чуткая душа юноши только еще распустилась, ей непривычны были такіе контрасты въ жизни и стиснувъ подбородокъ двумя подпертыми кулаками, онъ съ горечью смотрѣлъ вдаль...

Изъ-за макушекъ яблонь выглядывала церковь. Надъ крестомъ беззаботно порхали стрижи. Самъ крестъ горѣлъ и искрился. Давно, давно, въ дни ранняго дѣтства, когда онъ былъ еще притомившей, онъ былъ въ этой церкви съ матерью у всенощной. Кое-гдѣ тешились одинокія лампады. Пуницовый закатъ ударилъ въ окна купола, отчего въ церкви было какъ то странно-свѣтло и торжественно. Строго и мудро глядѣли лики свилыхъ и своеобразной красотой вѣяло отъ иконы, на которой былъ изображенъ Христосъ. Дѣтски-открытое лицо... въ глазахъ необычайная просвѣтленность... Вспоминая этотъ моментъ изъ своей жизни, юноша даже прослезился... Думалось тогда, что всѣ люди добрые и хорошіе... точь-въ-точь такіе же, какъ вотъ онъ, благословлявшій землю Христосъ...

— Эхъ жизнь...люди!—прошептала юноша.

Солнце поднималось. Вотъ оно открылось за узорчатою сѣтью облаковъ и савозъ ихъ рассыпалось молліономъ золотыхъ улыбокъ.

Смѣялось невинное солнце, а люди варижали пушки, громилъ дома, разрывали въ клочья тѣла и брызгали кровью на цвѣтущую землю...

Потому-ли, что юноша провелъ безсонную, беспокойную ночь, и его нервы были приподняты вла потому, что былъ онъ впечатлительнѣе, не успѣлъ зачерствѣть отъ злобы и ненависти, но только въ то время, какъ отецъ его завожился въ кабинетѣ, онъ вбѣжалъ туда, бросился къ нему на шею и, захлебываясь отъ рыданій, съ тревогой и мольбами спрашивалъ:

— Папа, папа... скажи—для чего ты меня родилъ? Посмотри какая вокругъ несправедливость! Люди говорятъ, что они социалюты, послѣдователи Христа, но, послушай, какъ режутъ пушки, какъ стонутъ люди... Я не могу этого переносить... это кошмарство... позоръ... развратъ духовный... Побѣднѣть немного отецъ, погладилъ по головѣ сына и недумываяще повелъ глазами.

— Мальчикъ мой, ты, вѣроятно, плохо спалъ ночь... у тебя разстроились нервы... обострилась впечатлительность...

— Ахъ, тутъ не одна нервы... Я не могу себѣ вбить въ голову одного: если Христосъ говорилъ: „не убій“, если они уважаютъ его ученіе... называются послѣдователями, и Христосъ былъ дѣйствительно первымъ еврейскимъ социалютомъ, то какое они имѣютъ право убивать?... Посмотри, весь городъ заваленъ трупами... убиты женщины... дѣти... я самъ видѣлъ...

— Право, я не знаю, что тебѣ сказать въ отвѣтъ... конечно, это непростительная погрѣшность... непослѣдвательность... но что же дѣлать? всѣ мы люди...

— Папа, я читалъ книги лучшихъ гуманистовъ-идеалистовъ они мнѣ заронили въ душу любовь къ идеалу человѣчести... все время этотъ огонекъ свѣтилъ въ моей душѣ; согрѣвалъ сердце... и чего теперь все это? для чего я любилъ эти идеи? Для того-а чтобы съ горечью видѣть, какъ люди, схвативши этотъ свѣтильникъ, избивая другъ друга, попираютъ и топчутъ идеалъ въ грязи и крови!—

Отецъ съ любовью посмотрѣлъ на сына; между ними возникла необыкновенная пятиминутность... Протесгуя, юноша задѣлъ сокровенныя струны въ душѣ идеалиста старика. Честный, онъ долго служилъ ближнимъ въ качествѣ врача хирурга, много онъ перенесъ невзгодъ и разочарованій на своемъ пути... Жаль ему было своего сына, зная онъ по своему опыту, какая драма была въ душѣ у юноши и, желая отвлечь его отъ тяжелыхъ думъ, онъ весело заговорилъ:

— Ахъ, ты, мой орлепокъ... да ты вѣдь удался въ меня... Успокойся—переходовъ въ негоріи много... Погоди, уляжется все... можетъ быть, и разберутся люди... Идемъ пить чай... я приготовилъ самоваръ... Хорошо вотъ то, что ваши-то всѣ теперь въ деревнѣ... и мы съ тобой вдвоемъ... Полно горевать пойдемъ... Повѣрь, что все современемъ будетъ—и социализмъ и интернациональ...

Онъ вошелъ въ столовую и стали пить чай. Силь въ глубокой задумчивости помѣшивалъ чай въ стаканѣ...

— Все современемъ будетъ... но вопросъ когда?

— А тебѣ бы все сразу! вѣтъ, исторія, эволюція имѣетъ свои законы... Мы еще съ тобой воголкуемъ... вечеръ мѣ... А сей часъ я пойду въ больницу пули вынимать изъ животомъ... Тридцать лѣтъ, вотъ, рѣжу тѣла и вѣрю, что когда нибудь люди всѣ будутъ образованными, гуманными и, можетъ быть, оценятъ и наши заслуги... Вотъ какъ!...

— Но вѣдь тебя могутъ убить?...

— Пустяки... такъ ужъ все въ меня и будутъ мѣнять...

— Я прошу тебя не ходить...

Отецъ вздрогнулъ, но потомъ оправился, гордо тряхнулъ сѣдой, косматой головой.

— Коля, но вѣдь идти и помогать больнымъ мой долгъ?.. Наконецъ ты признаешь свободу—сказалъ съ улыбкою отецъ...

— Признаю...

— Такъ зачѣмъ же ты меня стѣснешь? вотъ и противорѣчіе хал... эхъ мой мальчикъ, оба мы съ тобой идеалисты и будемъ идти честно каждый по своему пути... Я по тому—который уже себѣ избралъ, а ты по тому какъ тебѣ выберешь въ будущемъ...

Дѣ...звиль... бумъ...

Снарядъ пробилъ окно, влетѣлъ въ комнату и разорвался. Мгновенно все потонуло въ клубѣ сѣраго, вѣдкаго дыма. Въ углу гдѣ стояла эгажерка, раздался стонъ... Милутокъ черезъ десять, когда мгла расфялась, можно было видѣть, что натворилъ разорвавшійся снарядъ.

Отецъ сидѣлъ въ креслѣ, въ такой же позѣ, какъ было и за чаемъ, поникнувъ лишь головой. Слово онъ былъ озадаченъ чѣмъ-то и погружался въ раздумье. На правой сторонѣ, у виска, зияла рана и изъ нея обѣгала, тешива, алая кровь...

— Папа, гдѣ ты?—звалъ съ столомъ сынъ. Молчаніе чудомъ уцѣлѣвшій на столѣ самоваръ шипѣлъ, и весело въ немъ урчала кипиющая вода. Раненый закопшился въ углу, а потомъ, какъ собака, которой отнять чѣмъ либо громаднымъ звѣнн поги, поползъ къ отцу. Пслѣ него на полу оставалась кровавая полоса. Резвотомъ, покрытое ибжками и пушкетнымъ влосенками, лицо осунулось, глаза въ лились.

Доплазги больнои могъ лишь до окна и тутъ же одустился на полъ, повернулся лицомъ къ свѣту и сталъ смотрѣть вверхъ въ одну точку. Видѣлся клочокъ голубого и бездоннаго неба. Небольшое, блрое и пушистое, какъ вага, облачко стояло на одномъ мѣстѣ и постепенно дѣлалось все меньше и меньше. Небо словно голубая краска, всасывалось въ его край, окрашивало въ голубой цвѣтъ, и оно, сливаясь съ нимъ въ одинъ тонъ, исчезало. У окна цвѣла сирень. Лиловые грозды все время заигрывали съ вѣтеркомъ и екеминутаю, то кокетливо и граціозно прятались отъ него въ зеленую листву, то снова высывызались, вздрагивали,

беззаботно размахивали, кружили своими головками, словно заливались веселым смѣхомъ...

— Какъ тамъ... хорошо... вѣтерокъ... какъ это такъ случилось, что я?..— Мысль оборвалась, да и не о чемъ не хотѣлось думать. Какой-то туманъ заволакивалъ глаза. Совсѣмъ все померкло. Голубое небо стало вдругъ чернымъ, какъ сукно, а бѣлое облачко сдѣлалось ярко-краснымъ... Вотъ оно начало увеличиваться, расти, расти и, глядя на него, затопило.. Хорошо-бы было сей часъ проглотить хотя-бы одинъ глотокъ холодной воды... Нѣтъ, невозможно стало лежать, нужно подняться.. тошнота душилась. Юноша оперся корпусомъ на локоть, поднялъ голову и сталъ вращать глазами. Яблочки ихъ налились кровью... Долго-ли длилось полубабыть? Можетъ быть часъ,—два или больше. Самоваръ ужъ не бурлялъ... Хотя-бы одинъ глотокъ воды, пусть она будетъ горячая... ничего.. слишкомъ пересохло въ глоткѣ... губы совсѣмъ заекансь, потрескались... встучало въ вискахъ... щеки,—какъ огонь...

— Папа, милый, дай воды... что ты все сидишь? Неужели овъ убитъ? Нѣтъ, это невозможно... этого никогда не должно быть... я этого не хочу... я буду кричать о помощи... Нужно встать. Для чего я на самомъ дѣлѣ такъ раскиселся?— Рука поднялась, уцѣпилась за подоконникъ.— и больной всталъ на колѣни. Овъ уже видѣлъ лицо. Стрѣльба смолила, по вокругъ все было пустынно: люди все еще боялись показаться наружу. Чу... раздались цоканье копытъ. Показалась невдалекѣ лошадь. Прищелкивая языкомъ, кучеръ слегка подергивалъ возжами. Красивый, черный жеребецъ, круто изогнувши шею, гордо вращалъ глазами и граціозно поднималъ ноги надъ землей. Жеребецъ не бѣжалъ, а игралъ своимъ могучимъ тѣломъ и его круглой, сытной кручь блестятъ, какъ отполированный... Въ изищной прореткѣ сидѣла молодая женщина. Легкое платье нѣжно обнимало косыми складками ея молодое и гибкое тѣло. Она весело глядѣла по сторонамъ веселыми и голубыми, какъ васильки, глазами. Какъ-то блаженно облажили ея розовыя губки рядъ бѣлыхъ и мелкихъ зубовъ.. На одной рукѣ у нея была надѣта п вязка съ краснымъ крестомъ. Женщина вѣдала убирать раненыхъ и ушибалась она вѣрояно тому, что собралась дѣлать доброе дѣло... Большой слабъ крикнулъ, но зовъ такъ я не донесли до ушей путницы, и пролетка не остановившись скрылась.

На сердце засадило. Сначала немного,—потомъ все больше и больше. Это было предчувствіе отчаянія,—не даромъ мелькнула мысль:—она-то вотъ цвѣтетъ и будетъ долго еще вѣсти, а тебѣ то, хоть ты и не ждалъ, а пора умирать, пройдетъ часъ... два... три... ц... Каки? Неужели? Зачѣмъ? я не хочу! Папа, папа! неужели тебѣ уже нѣтъ?—

Не хотѣлось молодому сердцу смириться съ происшедшимъ и, собравши невѣроятнымъ усиленіемъ волн остатокъ энергіи, юноша въ вѣсколько прыжковъ очутился около отца. Полулежа, онъ тормозилъ его одною рукою, тотъ сначала покачивался изъ стороны въ сторону, а потомъ, когда сынъ сильно рванулъ его, овъ грувно, какъ живой, сталъ спускаться съ кресла на полъ и, ксенувшись согнутыми колѣнами сразу брякнулся бокомъ на полъ. Сынъ горько заплакалъ и положилъ ему свою голову на грудь. Слышалъ онъ, что ниже нея, въ полости живота что-то бурлило, и животь этотъ какъ то замѣтно поднимался вверхъ, словно чуялось и выходило тѣсто...

Сознаніе снова меркло. Мысли переплелись, зацугались... Отяжелѣли вѣки, хотѣли сомкнуться, а когда онѣ сомкнулись, то появились передъ взоромъ желтые круги, завертѣлись, какъ колеса, и снова стало тошнать, глядя какъ они вращаются. А вотъ и совсѣмъ стало темно.. и страшно.. появилась вмѣсто круговъ кошка съ желтыми, отвратительными глазами. Все заходила съ разныхъ сторонъ, присѣдала. Уже вскопчила на грудь и хищно вцѣпилась когтями въ горло... Въ горлѣ колело и жгло. Страшно. Неужели она задупитъ? Ахъ не все ли равно жить или... Не такъ то легко умирать, какъ говорятъ... Но неуж-ли я умираю? не можетъ быть... не хоч... Хорошо мнѣ или легко? Не поймешь... по ужъ нѣтъ желтыхъ круговъ и скверныхъ глазъ кошки... Не тошнить и не жжетъ въ горлѣ. мда... вотъ мнѣ почему хорошо: мама приѣхала положила руку на голову... всегда бываетъ легче, когда мать подойдетъ къ больному—и положить на лобъ свою руку... Мама, пить мнѣ надо.. дай мнѣ воды... давно я просилъ отца, да овъ все сидитъ и молчитъ... Вотъ это хорошо, даже со льдомъ... Мама, присядь рядомъ со мной... такъ... такъ... А помнишь какъ мы съ тобой ходили ко всеобщей?.. какъ было хорошо... Ахъ это ты, Лидочка... конечно, это былъ сонъ... бредъ... все мы живемъ, какъ жили ни какой стрѣльбы не было... да, какой это былъ отвратительный и кошмарный

сонъ... Отчего мнѣ холодно? Говоришь, ва головѣ ледь... по почему же холодѣютъ пальцы?... впрочемъ все равно.. страшно какъ-то... никогда ничего этого не ощущалъ.. Ново и жутко. Мама, а вдругъ это не сонъ... а на самомъ дѣлѣ... мнѣ очень страшно... мнѣ не хочется умирать... вѣдь я не умру?... Ты тогда шля за докторомъ... спасай..

Мракъ.

Метался бѣдный мальчикъ, бился объ полъ головой, царапалъ его ногтями... Жить хотѣлось, а жизнь уходила! Мучительно томилъ жажда, внутри, во рту пылала горящій горярь... Отъ раздробленной ноги пахло загнившей кровью... Все тѣло покрылось кровавыми, зловѣщими пятнами.. А вотъ и послѣдняя невѣроятная напряженая конвульсія... Горькая, страшная гримаса на лицѣ..

Все кончено. Безразличіе и покой...

Іюль 1918 г. Незав.

Александръ Горшковъ.

## ТРИОЛЕТЫ.

(Гражданскіе мотивы).

Я видѣлъ невозможный сонъ:  
Я видѣлъ Родину на плахѣ...  
Палачъ...топоръ...и кровь и стонъ...  
Я видѣлъ невозможный сонъ:  
Огромныхъ острыхъ крыльевъ взмахи  
Крошили кровью небосклонъ...  
Я видѣлъ невозможный сонъ:  
Я видѣлъ Родину на плахѣ...  
Зачѣмъ теперь бряцать на лирѣ?—  
Я къ славіи міръ не призову,  
Мечтая о нездѣшнемъ мірѣ...  
Зачѣмъ теперь бряцать на лирѣ?—  
Я вижу сонъ мой наяву:  
Пируетъ смерть на нашемъ пирѣ!  
Зачѣмъ теперь бряцать на лирѣ?—  
Я къ славіи міръ не призову.....

Теперь, Поэтъ, бей въ барабанъ!  
Оставь смиреніе Пророка...  
Кричи о жгучей боли ранъ!  
Теперь, Поэтъ, бей въ барабанъ!  
Разсѣй позорящій обманъ!  
Скрывай смѣлѣй покровъ съ порока!  
Теперь, Поэтъ, бей въ барабанъ!  
Оставь смиреніе Пророка!

Не нами призванные люди  
За насъ рѣшаютъ и хотятъ!  
Надъ нами властвуютъ, мудрятъ,  
Не нами призванные люди!  
Молчи, Поэтъ...мечтай о чудѣ...  
Огни безславья догорятъ...  
Не нами призванные люди  
За насъ рѣшаютъ и хотятъ!

Владимиръ Розановъ.

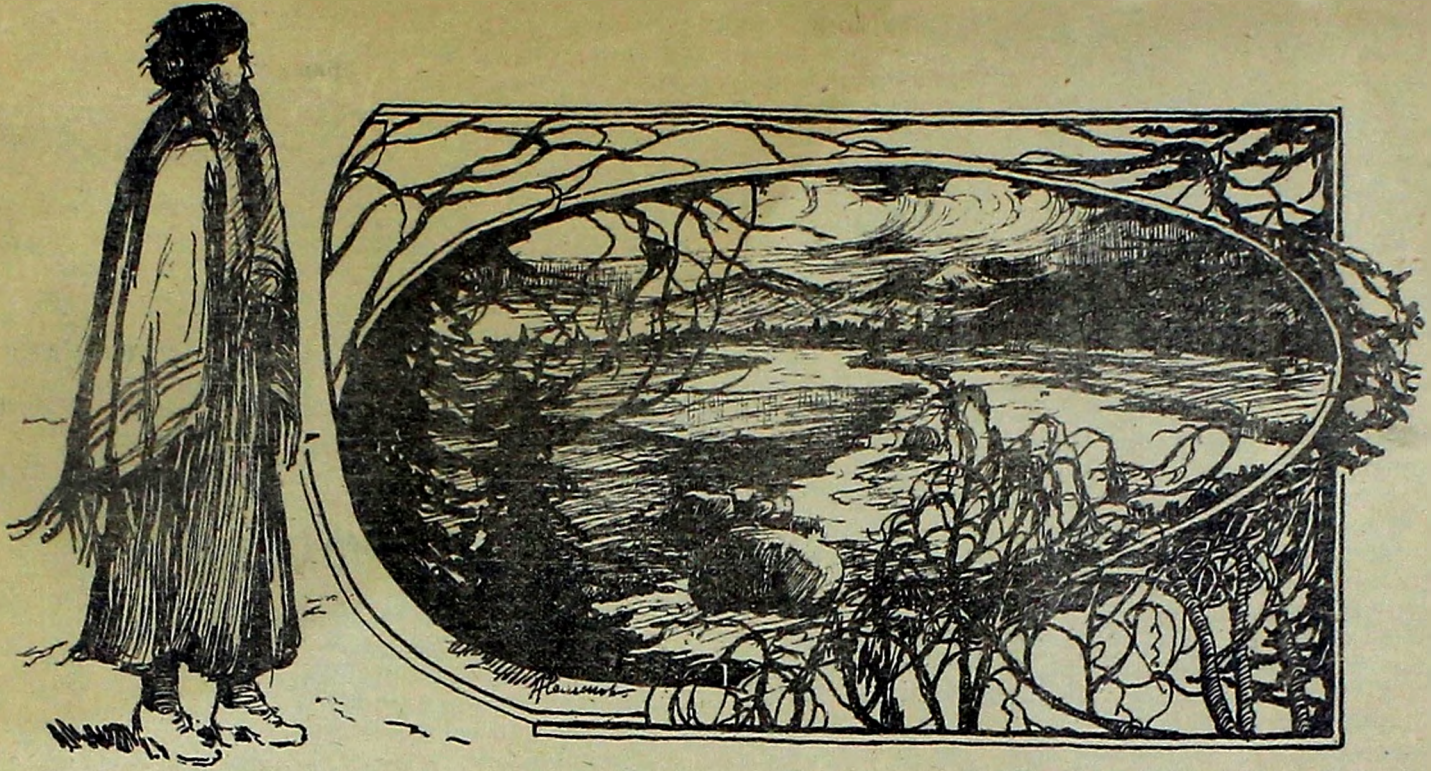
## Навозный Жукъ.

Басня.

Навозный „Носорогъ“, нанюхавшись навозу,  
Однажды прилетѣлъ въ питомники садовъ  
И нюхалъ, важень и суровъ.  
Тюльпаны, ландыши и розы..  
—Какіе мерзости!—вскричалъ онъ, наконецъ.—  
Какъ видно, Человѣкъ отчаянный глупецъ,  
Коль толкомъ оцѣнить не можетъ гадость эту—  
Вѣдь тутъ ни запаха, ни цвѣту,  
Ни даже корму для овецъ..  
При томъ же все старо... все розы да тюльпаны...  
О, люди жалкіе, какъ глупы вы и странны!..  
Ужъ если запаха вы жаждете душой  
Да милой красоты, такъ шли бы вы за мной—  
Я васъ обрадовалъ бы смѣло..  
Въ навозной кучѣ то ли дѣло!...—

Такъ критикъ ревностный, браня стихи и прозу,  
Въ которыхъ смыслить не вполнѣ,  
Напоминаетъ часто мнѣ  
Навознаго Жука, залѣзшаго на розу...

Н. Баженовъ.



## Случайная встреча.

Рассказ.

### Посвящаю Ганночкѣ.

Отъ бывшей австрійской границы до Могилева—Подольска Днѣстръ дѣлаетъ много—много большихъ зигзаговъ, поворотовъ и, быстрый, торопясь куда-то уйти, топчется все время почти на одномъ мѣстѣ. Между нѣкоторыми селами, стоящими на берегу, по сухому верстѣ семь-восемь, а по Днѣстру тридцать-сорокъ, а то и больше.

Мечется онъ среди отроговъ Карпатъ, желая скорѣе притти къ морю; но каменныя скалы становятся на его пути и гордо смотрятъ на него съ своей высоты и смѣются сухимъ стукомъ сваливающихся съ вершинъ камней.

И злится Днѣстръ, и шумитъ, и волнуется, но трудно осилить ему гордыхъ великановъ (онъ это знаетъ), и ищетъ дорогу къ морю, бросаясь то вправо, то влѣво. А тамъ снова скалы и снова борьба.

Но когда скалы окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, и онъ видитъ, что выходъ только одинъ:—во что бы то ни стало разорвать ихъ желѣзное кольцо,—онъ съ дикой яростью набрасывается на нихъ и, напрягая всѣ силы, всю мощь, разрываетъ ихъ, пѣнясь, бурля и волнуясь.

Уныло и мрачно стоятъ въ этомъ мѣстѣ скалы безплодныя, сѣрая, разсѣченныя быстрымъ потокомъ Днѣстра, торжествующимъ свою побѣду.

Тамъ, гдѣ Днѣстръ, вырвавшись изъ скалъ, выходитъ на равнину, на правомъ берегу его, расположившись отчасти по склону горы, отчасти по равнинѣ, стоитъ село Непоротово. Отъ ближайшей желѣзно-дорожной станціи Романкоуцы верстѣ восемнадцать, а отъ ближайшаго уѣзднаго города верстѣ пятьдесятъ.

Въ серединѣ села—бѣленькая, маленькая, деревянная церковь, школа, а кругомъ—хатки такія-же бѣленькія, чистыя уютныя.

День былъ тихій—тихій. Снѣгъ медленно, не торопясь, большими хлопьями ровно падалъ на землю. Къ вечеру онъ пересталъ.

Темно-синимъ стало небо, и горы кругомъ синевато-лиловыми.

По дорогѣ отъ станціи съ горы медленно спускались четверо крестьянскихъ саней. На переднихъ, размѣстившись какъ попало, лишь бы было теплѣе, сидѣли пятеро студентовъ—товарищей по институту, а на остальныхъ—рабочіе и инструменты, нужные для производства рѣчныхъ изысканій.

Около школы остановились.

Привлеченная небывалой картиной, вышла учительница. Студенты, перебывая другъ друга, спрашивали, гдѣ можно будетъ переночевать. Она сказала. Но всѣмъ очень не хотѣлось садиться снова въ сани. Отъ долгой дороги ноги и

руки окоченѣли хотѣлось поскорѣе въ тепло. Но почему—то стояли всѣ и смотрѣли по сторонамъ.

Борисъ Федоровичъ, какъ только вышла учительница, смѣрилъ взглядомъ всю ея худенькую, стройную фигурку, закутанную въ теплую шаль, молча уставился въ ея черные блестящіе глаза и стоялъ неподвижно.

А въ груди пыло что-то толмительно—сладкое, ожидающее.

Она замѣтила его взглядъ, робко опустила большія черныя рѣсницы и убѣжала.

Ночевать пришлось въ еврейской взѣжжей квартирѣ. Рабочіе размѣстились по крестьянскимъ хатамъ. Суббота. Пришлось самимъ чистить и варить картофель, раздувать самоваръ. Кругомъ грязь, специфическая, еврейская. Наскоро поѣли, напились чаю. Кто гдѣ могъ, на засаленныхъ диванахъ съ клопами, кое—какъ размѣстились и, послѣ двухъ дней дороги, измученные уснули, какъ мертвые.

Утромъ нашли для себя чистенькую крестьянскую хату. На стѣнахъ висѣли samotkанные разноцвѣтные шерстяные ковры. На образахъ—бѣлыя, вышитыя полотенца. Желтый глиняный полъ.

Пока не привезли изъ г. М... лодки и другія приспособленія, безъ которыхъ нельзя было начать работъ, ходили они по окрестностямъ лятро съ однимъ ружьемъ.

Горы, чуть покрытыя снѣгомъ и колючимъ мелкимъ кустарникомъ, были скользки. Взбирались на четверенькахъ. Зайцы такъ и выскакивали изъ подъ ногъ, а тотъ счастливецъ, что несъ ружье, становился въ позу, чтобы стрѣлять, и скатывался вмѣстѣ съ ружьемъ внизъ. А зайцы перебѣгали отъ одного камня къ другому.

А то на вершинѣ появится красивый, стройный, дикій козель, безразлично посмотритъ на нихъ, ползущихъ внизу, и пропадетъ. Только кусты потрескиваютъ ему вслѣдъ, да камень, неосторожно толкнутый имъ, покатится внизъ, прощурить—и снова тихо.

По вечерамъ играли въ карты долго, нудно, иногда до утра, и проиhrывали другъ другу полученне ими авансы.

Какъ-то, проходя по селу, Борисъ Федоровичъ встрѣтилъ мальчугана съ книжками.

— Ты, хлопчикъ, изъ школы?

— А шо?

— Какъ зовутъ вашу учительницу?

— Вѣра Ивановна! А шо?

— Начега. Такъ.

— Вѣра Ивановна, Вѣра Ивановна, Вѣрочка—повторялъ онъ про себя. И черные блестящіе глаза на худенькомъ личикѣ смотрятъ на него пристально, пристально. И ра. остно, и грустно почему-то. Можетъ быть, потому, что она такая еще далекая.

Яркое февральское солнце на ясномъ небѣ. Грѣетъ тепло—тепло. Снѣгъ почти уже стаялъ, да его здѣсь и не

бываетъ много. Липкая, тягучая, глубокая грязь на улицахъ.

Борисъ Федоровичъ идетъ, еле передвигая ноги, и онъ у него большія, большія. Видно, что ему трудно идти, а на лицѣ улыбка радостная. И не то раннему весеннему солнцу онъ улыбается, не то чему-то другому.

Только-что пришли съ работы. Усталые, грязные—цѣлый день приходилось лазить по скользкимъ глинистымъ берегамъ.

Рабочій Михаилъ, угрюмый, лѣнивый хохоль, исполняющій у нихъ обязанности всякой прислуги, поочередно обчистилъ всѣмъ сапоги, чтобы полегче были, кое-какъ помылъ заскорузлые пальцы и сталъ подавать обѣдъ. Поставилъ на столъ, покрытый засаленной клеенкой, щи въ глиняномъ горшкѣ и топчется, переступая съ ноги на ногу, почему всѣ знаютъ, что Михаилъ хочетъ что-то сказать.

— Ты что, Михаилъ?—спросилъ начальникъ партіи, студентъ Сергій Александровичъ.

— Да тамъ вонъ пришелъ!

— Кто пришелъ?

— Отъ пана изъ экономіи.

— Ну, пусть сюда идетъ!

Михайлъ потоптался еще немного на мѣстѣ и вышелъ.

Въ дверь ввалился огромный, упитанный хохоль, судя по костюму, служившій и по городамъ.

— Паничи! Панъ проситъ, чтобы вы приходили къ намъ!

— Когда?—спросили сразу нѣсколько голосовъ.

— Нынѣ вечеромъ.

— Хорошо, придемъ! Скажи, что благодарятъ за приглашеніе!—отвѣтилъ за всѣхъ Тадеушъ Владиславовичъ.

Хохоль постоялъ немного у двери, любуясь, какое впечатлѣніе произвелъ своимъ приглашеніемъ и, не торопясь вышелъ.

— Ишь, чертъ, только что додумался познакомиться съ культурными людьми—со злобой выпалилъ Георгій Дмитріевичъ—раньше-то не догадался!

До конца обѣда говорили, то о самомъ помѣщикѣ, толстомъ, медлительномъ, похожемъ на медвѣдя; то о его женѣ молодой, хорошенькой, поленькой шатенкѣ; то о какойто барышнѣ, которую видѣли у ихъ дома.

Часовъ въ семь стали собираться. Раскрыли свои убогіе запыленные чемоданчики и выбирали изъ нихъ все самое лучшее.

Борисъ Федоровичъ, молчавшій все время за обѣдомъ, сидѣлъ въ той же позѣ за столомъ, смотрѣлъ на суету вокругъ и думалъ.

— Сегодня! Обязательно сегодня!

— Ты что же, Борисъ Федоровичъ, не пойдешь что-ли? обратился къ нему Тадеушъ Владиславовичъ.

— Нѣтъ. Не хочется что-то.

— Ну, вотъ еще выдумалъ! Пойдемъ, хоть на ужинъ накажешь!—говорилъ Георгій Дмитріевичъ, застегивая пуговицы на чистенькой, но довольно помятой въ чемоданѣ курткѣ.

— Нѣтъ. Не пойду!

— Ну, и чертъ съ тобой!

Когда всѣ ушли, Борисъ Федоровичъ сидѣлъ все и думалъ: идти или не идти. Но уже чувствовалъ, что обязательно пойдеть,—не можетъ не пойти.

Наскоро одѣлъ кожаную куртку и, какъ былъ въ рабочемъ костюмѣ, такъ и пошелъ.

Когда онъ вышелъ на улицу, черная, теплая ночь охватила его со всѣхъ сторонъ—и не видно было ни дороги, ни улицъ. Кое-гдѣ мелькали огоньки въ окнахъ. Лѣниво лаяли собаки вдали. На далекомъ небѣ горѣли крупныя, яркія звѣзды, и странно было, что тамъ наверху такъ свѣтло, а на землѣ тьма. Шелъ онъ поближе къ хатамъ; ноги взили въ жидкой грязи, и вода хлюпала. Чѣмъ ближе подходилъ къ школѣ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ, какъ нервная дрожь пробѣгаетъ у него подъ сердцемъ.

Школа. Въ лѣвой половинѣ—два окна, завѣшанныя бѣленькими занавѣсками, тускло освѣщены. Вошелъ на крыльцо. Постучалъ. И въ этотъ моментъ мысль:

— А что если у нее кто-нибудь есть, какъ я прежде не подумалъ объ этомъ. Вотъ, дуракъ!

Хлопнула дверь. Кто-то выбѣжалъ въ сѣи, шлепая босыми ногами, и дѣтскій голосъ спросилъ.

— Кто тутъ?

— Вѣра Ивановна дома?

— Дома.

— Скажите, что пришелъ студентъ!

— Ладно.

Опять быстро зашлепали босыя ноги. Хлопнула дверь—Черезъ минуту, отпирая дверь, говорить:

— Идите!

Въ снѣгахъ онъ нащупалъ ногами какую-то рокожу и вытеръ сапоги. Налѣво открылась дверь въ полуосвѣщенную маленькую комнату—кухню. Прошелъ дальше.

У стола, съ давно потухшимъ самоваромъ, стояла она, закутанная въ шаль, растерянная, смущенная.

— Борисъ Федоровичъ Орловъ—сказалъ онъ отчетливо, протягивая руку.

Она что-то прошептала неразборчиво и опустила глаза. Такъ стояли они нѣсколько секундъ: онъ въ упоръ смотрѣлъ на черныя, длинныя, немного вздрагивающія, рѣсницы, а она, не поднимая глазъ, держалась рукой за столъ.

— Простите, что я такъ пришелъ, незванно—началъ онъ и запнулся.

— Ничего, ничего, садитесь!

Весь вечеръ сидѣли они, перебрасываясь ничего незначащими, ненужными имъ, чужими фразами.

А въ глазахъ свѣтлится радость, еще смутная, несознаваемая ими самими. И когда на мгновеніе взоры ихъ встрѣчались—ея ищущій, зовущій, пронизывающій, а его мягкій, ласкающій, общающій счастье,—они подолгу смотрѣли другъ другу въ глаза и забывали—о чемъ говорили.

Тягуче, однообразно, скрипя при каждомъ взмахѣ, тикали на стѣнѣ часы съ одной гирькой.

Подъ поломъ гдѣ—то скреблась мышь: то горопливо, настойчиво, то скучно, ненужно—медленно, безнадежно. Съ печки изъ кухни доносилось ровное дыханіе спящей дѣвочки-прислуги.

И когда стрѣлки часовъ встали веритикально, дѣля циферблатъ пополамъ, онъ взялъ фуражку и, прощаясь, задержалъ ее маленькую, горячую руку въ своей.

— Вы, Вѣра Ивановна, разрѣшите мнѣ иногда приходиться къ вамъ?

— Пожалуйста! Я буду очень рада! Вѣдь я здѣсь со-всѣмъ одна!

Она проводила его до двери и, когда онъ сошелъ уже съ крыльца, почти шопотомъ сказала.

— Приходите! Я буду ждать!

Съ этого дня, и Борисъ Федоровичъ, занятый цѣлый день на берегу, и Вѣра Ивановна, занимаясь съ лохматыми, грязными, крикливыми ребятишками, оба ждали съ нетерпѣніемъ вечера.

И когда контуры окрестныхъ горъ, трепетавшіе въ синеватомъ вечернемъ сумракѣ, пропадали въ ночной темнотѣ, а въ хатахъ зажигались огоньки, одиноко, желтоватыми, слабыми полосками, уходящими въ даль, и на синемъ высокомъ небѣ звѣзды горѣли все ярче, ярче—онъ приходилъ къ ней.

И слова ихъ, день ото дня, становились проще, искреннѣе

Она говорила, какъ тяжело здѣсь жить одинокой, далекой отъ яркой, разнообразной, пестрой жизни,—отъ умныхъ и интересныхъ людей.

— Борисъ Федоровичъ, а вѣдь и я думала жить красиво, да думаю еще и теперь... потому-что хочу! Когда я была еще въ гимназіи, я все думала, что это не настоящая жизнь, что настоящая жизнь будетъ потомъ, когда я буду свободной, тогда и жизнь должна быть радостно—сказочной. А вотъ видите, я только еще второй годъ учительницей, а какая я стала... нервная, можетъ быть, потому, что желанія яркія, безумно-огненныя, неудовлетворены. Можетъ быть, и съ дѣтьми поэтому я бываю иногда грубой, рѣзкой, раздражительной. И они смотрятъ на меня своими ясными, испуганными, непонимающими глазами и не знаютъ, почему я съ ними, то ласковая, нѣжная, то грубая, злая. А вы знаете, какъ мнѣ ихъ жалко потомъ! Я приду вотъ сюда и плачу...

И большіе, черные глаза у нея блестѣли, какъ звѣзды,—не то отъ намернувшихъ слезъ, не то просто отъ глубокихъ нервныхъ переживаній.

Онъ сидѣлъ, напротивъ, на простомъ некрашеномъ табуретѣ, по привычкѣ слегка раскачиваясь взадъ и впередъ, курилъ одну папирссу за другой, смотрѣлъ въ ея возбужденные глаза, на непослушную прядь черныхъ волосъ и чувство

валь, что она ему близкая—близкая, дорогая. И зная онъ, что права она, и не одна она плачетъ здѣсь, а много—много ихъ молодыхъ, сильныхъ, жаждущихъ жизни, плачугъ по глухимъ угламъ Россіи. Но, чтобы хоть чѣмъ—нибудь утѣшить ея страданія, онъ говорилъ.

— Вѣра... Вѣра Ивановна! когда вамъ особенно грустно, вы смотрите на темно—синее небо, на горы, на солнце—красота успокаиваетъ, а ее здѣсь у васъ такъ много.

— Да, да... солнце, небо, горы. Когда я смотрю на все это, меня только сильнѣе раздражаетъ эта красота! Зачѣмъ она здѣсь?—скажите, кто ее чувствуетъ, понимаетъ, можетъ быть, вотъ вы, случайно заброшенные сюда изъ большого города! А вотъ вы уйдете, и снова она будетъ мертвая, ненужная никому... Я хочу, чтобы хоть немножко красоты, радости было для меня, моей собственной, вотъ здѣсь, въ сердцѣ... любви хочу!..

Последнія слова, какъ стонъ, вырвались изъ ея большого сердца, она закрыла лицо руками, упала головой на столъ и худенькія плечики ея вздрагивали.

Борисъ Федоровичъ подошелъ, обнялъ ее и поцѣловалъ въ голову.

— Вѣрочка! вѣдь ты чувствуешь, что я люблю тебя!

— Да, Боря!—сквозь слезы, не поднимая головы, отвѣтила она.

Онъ поднялъ ее на руки, какъ ребенка, перенесъ на постель и цѣловалъ губы, глаза, всю ее.

А она радостно улыбалась ему; какъ цвѣты улыбаются восходящему солнцу, и слезы, не переставая, катились у нея изъ глазъ,—не то отъ радости, не то еще отъ недавнихъ страданій.

Взошла луна и блѣдными косыми лучами освѣтила комнату.

А они, крѣпко прижавшись другъ къ другу, цѣловались, и—глубокимъ счастьемъ полны были ихъ сердца.

Когда луна была уже высоко, она провожала его до двери, ступая босыми ногами по холодному полу, и шептала.

— Радость моя! Радость моя!

— Милая! Хорошая!

Яркое—яркое весенне солнце золотыми лучами ласкало міръ. Зеленѣла трава по склонамъ горъ. Быстрый, могучій Днѣстръ мчалъ свои мутныя волны туда къ морю. Сверкая серебромъ на солнцѣ, проносились по нему льдины. Повеселѣвшія горы смотрѣли прямо въ небо.

Борисъ Федоровичъ шелъ по берегу со своимъ инструментомъ, вшитывалъ въ себя окружающую красоту и не могъ сдержать своего восторга.

— Леонтьй!? А вѣдь хорошо жить на свѣтѣ!?—обратился онъ къ своему рабочему, молодому, стройному со смѣющимися глазами кохлу, постоянно носившему его инструментъ.

— А какъ же! Гарно!

Ушли они съ изысканіями уже за далекій поворотъ, что виденъ отъ села Непоротова, и, возвращаясь домой, имъ приходилось дѣлать верстѣ восемь, девять, Сергѣй Александровичъ ѣздилъ внизъ и на Плитовскомъ винокуренномъ заводѣ, теперь, во время войны, не работавшемъ, снялъ помѣщенія для нихъ и рабочихъ.

Усталый физически, Борисъ Федоровичъ возвращался домой съ пѣвучей радостью въ сердцѣ.

Солнце сѣло. На красномъ горизонтѣ запада четко рисовались горы, съ причудливо набросанными на вершинахъ огромными, развѣденными дождемъ и солнцемъ, камнями. И хотѣлось идти туда, на вершину горы, встать вонъ на тотъ огромный, выше всѣхъ лежащій, камень и кричать людямъ о счастьѣ любви, о радостяхъ солнца, о красотѣ весны,—забыли они о всемъ этомъ: смѣшались съ грязью любовь, загородили каменными громадами домовъ солнце, не видятъ весны.

А тамъ, вонъ за тѣми горами, откуда въ тинія ночи доносятся глухіе раскаты орудійныхъ выстрѣловъ, озабрѣвшіе отъ крови люди, убиваютъ другъ друга, прокалываютъ насквозь штыками грудь, гдѣ бьется вотъ такъ же сердце, какъ у него. И нѣтъ, кажется, въ мірѣ голоса, который остановилъ—бы ихъ, образумилъ...

Ужасъ!.. Какой дикій ужасъ!..

А на крыльцѣ школы щебетали радостно дѣти, какъ только что прилетѣвшіе жаворонки въ небѣ, и Вѣра Ивановна была среди нихъ. До боли въ сердцѣ чувствовала она, какъ нужна ласка этимъ вихрастымъ, чумазымъ мальчикамъ

и тихимъ, слезливымъ девочкамъ. Вѣдь не видятъ они ласки дома отъ измученныхъ тяжелой работой своихъ родителей. Потому и вырастаютъ часто угрюмыми, злыми, смотрящими на всѣхъ, какъ на враговъ. Чувствовала она это и ласкала, то глядя по непокорнымъ вихрамъ, то теребили за пухленькія, розовыя щечки, и смѣялась, зараженная ихъ смѣхомъ. А они, перебивая другъ друга, рассказывали ей, кто о маленькихъ, смѣшныхъ, розовыхъ поросяткахъ, кто о ягняткахъ, кто о жеребеночкѣ. Рады были они,—чувствовали своимъ дѣтскимъ сердцемъ, что Вѣра Ивановна такая хорошая, что и ей такъ—же хорошо, какъ и имъ. И не хотѣлось идти въ темный, пыльный классъ.

Вечеромъ студенты стали собираться, къ предстоящему на завтра отъѣзду. Укладывали свои скудные пожитки, кто въ чемоданчикъ, кто въ скрипучую корзинку, оставляя только самое необходимое, чтобы переночевать.

Было уже поздно, когда Борисъ Федоровичъ вышелъ на улицу и направился къ школь.

Дулъ сильный, холодный вѣтеръ. Жалобно скрипѣли высокія, старыя ветлы. Въ садикахъ, возлѣ хатъ, бились, постукивая голыми вѣтвями, яблони. Черныя, разорванныя тучи быстро неслись по небу. Луна, на мгновение вырываясь изъ—за тучъ, освѣщала и улицы, и хаты, и сады и снова пряталась за тучи. Тогда дѣлалось темно, жутко, непріятно на пустынныхъ, молчаливыхъ сонныхъ улицахъ села.

— Ты что такъ поздно, Боря?—встрѣтила его Вѣра Ивановна—я ждала—ждала; ты, вѣдь, знаешь, какъ долго тянется время, когда ждешь!

— Знаю, Вѣрочка! Мы собирались. Завтра уѣзжаемъ отсюда.

— Я уже знаю, Боря!—мнѣ ученики говорили. Да что ты какой?

— Ничего. Такъ. Какая нехорошая ночь!

— Пусть нехорошая!—я слышу, какъ воетъ вѣтеръ. Но это ничего. У меня такая радость на сердцѣ! Не подумай только, что это потому, что ты уѣзжаешь! Нѣтъ. Это очень больно для меня! Я вѣдь всегда знала, что ты уйдешь. Я даже ничего вотъ о тебѣ не знаю: откуда ты пришелъ, куда уйдешь; да мнѣ и не надо знать! Ты такой ласковый, хороший. Ты такъ много принесъ мнѣ счастья! Теперь вотъ я понимаю то, о чемъ ты мнѣ говорилъ. Я сижу по цѣлымъ часамъ на солнцѣ, когда кончаются занятія, смотрю на далекія горы, на молодую травку, и мнѣ такъ хорошо! А какъ любятъ меня дѣти! Они стали прилежныя, хорошия...

— Милая моя, Вѣрочка! Ты знаешь, какое неповторяемое счастье ты доставила мнѣ тѣмъ, что сейчасъ сказала! Жизнь должна быть радостью, а любовь счастьемъ, лучистымъ, чтобы не только самъ чувствовалъ это счастье, но чтобы и всѣмъ окружающимъ было около тебя тепло, радостно! Это истинная, великая любовь, Вѣрочка!!!

Онъ цѣловалъ ее, а по длиннымъ рѣсницамъ у нея катились слезы радости...

Уже свѣтло, когда она вышла провожать его на крыльцо. Сѣроватый сумракъ отгнѣпалъ ея глаза темными, большими кругами. Она обняла его крѣпко—крѣпко за шею, цѣловала въ губы и шептала.

— Солнце мое! Радость моя! Любимый мой! Прощай!

Уже скрылся онъ за поворотомъ улицы, а она все стояла и смотрѣла туда, гдѣ онъ скрылся. Вѣтеръ трепалъ ея волосы, обвивалъ вокругъ ногъ черную юбку. И казалось ей, что несетъ она вмѣстѣ съ вѣтромъ все дальше и выше,—дальше и выше.

Холодное сѣрое утро. Низкія, лохматыя тучи, задѣвая за горы, ползугъ по небу. Мелкій дождь, то пойдетъ, то перестанетъ, то вновь пойдетъ, тягучій, безконечный. Мутныя, сѣрыя волны Днѣстра съ бѣлыми гребнями мрачно налетали на камни. И весь онъ неприщипливый, хмурый, темный. Почернѣвшія отъ дождя и тучъ горы чуждо стояли кругомъ. Инструменты, пожитки, сами студенты и рабочіе размѣстились уже на приготовленныхъ лодкахъ.

— Огвалывай!—крикнулъ Сергей Александровичъ.

И семь лодокъ, одна за другой, нагруженные почти до бортовъ, медленно, прыгая по волнамъ, поплыли внизъ.

На берегу собралось кучка мѣстныхъ крестьянъ.

А тамъ въ саду, выходящемъ къ самому берегу, вся въ черномъ, прислонившись къ дереву, стояла учительница.

И никто, кромѣ Бориса Федоровича, не замѣтилъ ее.

## Кедарь Эбнъ-Рашидъ

(Поэма).

(Продолженіе.)

## VIII

Но Дафи, Дафи оскорбленный  
Непримиримъ съ своей судьбой  
Душою пылкой и влюбленной.  
И цѣлый міръ на смертный бой  
Готовъ онъ вызвать, въ гнѣвъ ярсмъ,  
И всю страну предать пожарамъ,  
И села въ каменные груды  
Въ своей округѣ превратить,  
И всѣхъ сосѣдей истребить  
За похищеніе Земруды!  
Но какъ онъ не былъ въ гнѣвъ дикъ,  
За неимѣніемъ уликъ,  
Обидѣтъ Дафи никого  
Напрасно все же не рѣшался,—  
Лишь, какъ помѣшанный, скитался  
Онъ вкругъ селеня своего,  
Дока однажды не сказали  
Ему случайные друзья,  
Что плѣнницу они видали  
У чужеземнаго жилья.  
И дикой радостью тогда  
Лицо араба озарилось,  
Улыбкой страшной искривилось:  
И не осталось и слѣда  
Его подавленности прежней;  
Самума жаркаго мятежной  
Въ немъ жажда крови родилась,  
Когда нежданная впилаась  
Стрѣла несумолимой вѣсти,  
И быстро плинъ жестокой мести  
Онъ сталъ обдумывать втиши,  
И въ глубинѣ своей души  
Ужъ горжествуя надъ врагомъ,  
Арабъ заснулъ тревожнымъ сномъ.  
И съ засіявшими лучами  
Вновь возродившагося дня,  
Садится Дафи на коня  
Съ тремя надежными друзьями,  
И скачетъ въ городъ поскорей  
Среди смѣющихся полей,  
И въ горькихъ склонахъ эхо будить.  
Ахъ, это утро никогда  
Кедарь Мюбарекъ не забудеть!  
Когда послѣдняя звѣзда  
Погасла въ радостномъ разсвѣтѣ,  
Кедарь, забывъ о всемъ на свѣтѣ,  
Самъ Вагабита осѣдлалъ  
И прямо въ поле поскакалъ,  
Дыша живительной прохладой;  
И конь и всадникъ были рады  
Въ золототканной эгогъ чашѣ  
Нестись—куда ни глянуть глазъ!  
Увы, какъ часто можемъ мы,  
Съ душою счастливо открытой,  
Стоять надъ бездной ядовитой,  
Не замѣчая черной мглы,  
Подстерегающей могилы.—  
А, между тѣмъ, безсмертной силой  
Лучистой жизни водометъ  
Насъ жить и дѣйствовать зоветъ!

## IX.

Ужъ солнце ярко заблестало,  
Когда внезапно осадилъ  
Арабъ коня: такъ заиграло

Въ немъ сердце вдругъ,—казалось силъ  
Своихъ лишится онъ; и вдалъ  
Его копья простералась сталь.  
Тамъ на холмѣ крутомъ и темномъ,  
Въ сіяньи солнечнаго дня,  
Такъ странно—четко рисовалась  
Фигура бѣлаго коня.  
—„Да“ нѣтъ сомнѣнья... это онъ!  
Идите тихо... Окружайте  
Предателя со всѣхъ сторонъ..  
Но только, нѣтъ, не убивайте!  
Сюда его гоните вы,  
Какъ антилопу гонять львы:  
Онъ долженъ быть моей рукой  
Отправленъ въ тартаръ роковой!  
Клянусь, презрѣнный человекъ,  
Ты не уйдешь живымъ отсюда!  
Каменій степи жаркой груди  
Постелью жесткою навѣкъ  
Тебѣ, Кедарь, отнынѣ будетъ  
И лишъ архангела труба,  
Какъ бичъ лѣниваго раба,  
Тебя въ послѣдній часъ разбудитъ,  
Чтобъ послѣ Страшнаго Суда  
Ты въ адѣ сгинулъ навсегда!  
Такъ Дафи молвилъ въ гнѣвъ ярсмъ  
Вдали завидѣвши Кедара.  
Въ то время, въ тѣсную долину,  
Кедарь, не зная ничего,  
Коня направилъ своего;  
И, шагомъ въѣхавъ въ котловину,  
Онъ тихо двигался впередъ—  
Гдѣ узкой змѣйкой путь ведетъ  
Его въ сосѣднюю равнину.  
Вдругъ грянулъ выстрѣлъ, вслѣлъ другой  
И послѣ третій. Прожужжали  
Почти надъ самой головой  
Три пули вражьи, и упали,  
Но глыбамъ каменнымъ звеня,  
Далеко впереди коня.  
Кедарь мгновенно встрепенулся,  
Взглянулъ назадъ, и улыбнулся:  
За гребнемъ темнаго холма  
Мелькнула бѣлая чалма  
И съ ней другая, третья рядомъ.  
Насмѣшливымъ окинувъ взглядомъ  
Своихъ невѣдомыхъ враговъ,  
Кедарь ускорилъ ходъ шаговъ  
Коня—красавца Вагабита,  
Подъ нимъ храпѣвшаго сердито.  
Но какова его досада  
Была, когда онъ доскакалъ  
До выхода и увидалъ,  
Что здѣсь ждала его засада!  
Впередъ? Назадъ? Не все ль равно!  
Онъ окружонъ хитро врагами;  
Но развѣ сильными руками  
Кедарь не сможетъ путь пробить,  
Когда вопросъ—не быть иль быть—  
Должно мгновенно разрѣшить!  
И что—же?... Дафи перелъ нимъ  
Стоитъ спокоенъ, недвижимъ  
И, вмѣсто всякаго привѣта,  
Чуть не въ упоръ изъ пистолета  
Кедару въ грудь стрѣляетъ онъ,—  
И пуля въ лѣвое плечо  
Впилаась внезапно горячо.  
Но, подавивъ тяжелый стонъ,  
Онъ гордо выпрямилъ свой станъ  
Свергнувъ звенящій ятаганъ—  
И Дафи падаетъ съ коня:  
Ему не видѣтъ блеска дня;  
Онъ на песокъ упалъ сухой  
Съ разрубленною головой..  
Кедарь, надъ нимъ склоняясь, стоялъ,  
Смотрѣлъ печальными глазами.

„Твоей я смерти не желалъ!  
 Такъ для чего же ты напалъ  
 Съ твоими дикими друзьями?..  
 Ужели миромъ не могли  
 Мы дѣла кончить между нами?  
 Ахъ, бѣдный Дафи—ты дитя  
 И мнѣ сердечно жаль тебя!..  
 Такъ онъ промолвилъ надъ убитымъ.  
 И кушакомъ своимъ расшитымъ  
 Себѣ плечо перевязалъ.  
 Сѣлъ на коня, и ускакалъ.  
 Друзья печальною толпой  
 Сошлись; поникнувъ головой,  
 Стоять, не говоря ни слова  
 Надъ тѣломъ Дафи молодого.  
 А солнце яркое свѣтло,—  
 Горитъ, какъ прежде, въ небѣ синемъ,  
 Какъ будто въ каменной пустынѣ  
 Не совершилось ничего..  
 И такъ-же ярко зеленѣеть  
 Трава среди сухихъ камней:  
 И вѣтерокъ прохладой вѣетъ,  
 Надъ далью солнечныхъ волей.

## X.

Въ то время, какъ Кедаръ больной,  
 Страдая отъ жестокой раны,  
 Лежалъ въ безпамятствѣ порой,  
 Иль вспоминалъ народы, страны,  
 Гдѣ онъ, гонимый много дней  
 Судьбой безжалостной своей,  
 Былъ долженъ странствовать безъ дѣла,—  
 Земруда нѣжная сидѣла,  
 Забывъ забавы и покой,  
 И чудодѣйственныя травы  
 Своею собственной рукой  
 Она ему приготовляла  
 И тѣмъ больного исцѣляла.  
 Слуга же вѣрный въ эти дни,  
 Чтобы враждѣ предѣлъ поставить  
 И господина тѣмъ избавить  
 Отъ всѣхъ послѣдующихъ бѣдъ,  
 У всей убитаго родни  
 Перебывавъ поочередно,  
 Распоряжаясь свободно  
 Всегда хозяйскою казной,  
 Засыпалъ щедрою рукой  
 Родныхъ и Дафи и Земруды.  
 Хотя и было дѣломъ труднымъ  
 Ихъ примирить съ своей судьбой;  
 Но все же дождикъ золотой,  
 Рукой разсыпанный умѣлой,  
 Свое успѣшно сдѣлалъ дѣло—  
 И до скончанія временъ  
 Межъ ними миръ былъ водворенъ...  
 Кедаръ-Мюбарекъ-Эбнъ-Рашидъ  
 Отъ раны быстро поправлялся  
 И принималъ свой прежній видъ.  
 Шутилъ съ Земрудой, улыбался  
 И даже въ шутку занимался,  
 Уча наукамъ бесполезнымъ,—  
 Что какъ могила неизбѣжнымъ  
 Привыкли съ дѣтства мы считать:  
 Писать, рассказывать, читать,  
 Знать неба и земли строенье,  
 Животныхъ, камни и растенья,  
 И жизнь героевъ прежнихъ дней,  
 И цѣлый рядъ другихъ вещей.  
 Она все быстро понимала,  
 Все хорошо запоминала,  
 Лишь одного душою нѣжной  
 Земруда не могла понять:  
 О чемъ Кедаръ могъ тосковать?  
 Зачѣмъ томится духъ мятежный  
 Ея владыки въ темный часъ?  
 Тоску Земруда ужъ не разъ

Въ лицѣ Кедара замѣчала;  
 Но, не рѣшаясь спросить,  
 Боясь всегда нескромной быть,  
 Она томилась и молчала.  
 И только разъ, когда неожиданно  
 Смертельной блѣдностью его  
 Лицо печальное покрылось.  
 Набравшись смѣлости, рѣшилась  
 Спросить Земруда у него.  
 Но, улыбнувшись какъ-то странно,  
 Кедаръ отвѣтилъ: „Это рана  
 Немного ноетъ, рана... да...  
 Но, впрочемъ, это не бѣда!..“

(Оконч. въ слѣд. №)

Г. Сазоновъ.

\* \*

Можетъ быть отравленъ я весеннимъ ядомъ:  
 Только ночи крылья звѣздно расцвѣтутъ,  
 Что-то сердце мнѣ пронзаетъ знойнымъ взглядомъ,  
 Чьи-то пѣсни—колокольчики зовутъ!

\* \*

Я довѣрчиво протягиваю руки,  
 Я иду, безвольный, въ царство тайныхъ встрѣчъ...  
 Тамъ, склонившись и дрожа отъ странной муки,  
 Я слагаю въ думахъ огненную рѣчь!

\* \*

Вдругъ лицо мое цѣлуетъ Кто-то властно...  
 Пламя губъ сжигаетъ мысли... я молчу..  
 Можетъ быть, отравленъ... боленъ я опасно,—  
 Только новыхъ встрѣчъ, какъ праздника, хочу!

В. Розановъ.





## колыбельная.

Мамъ посвящаю

Спать пора, мой родненькій малютка!  
 Ты ложись, а я не буду спать...  
 Пусть тебѣ не будетъ очень жутко:  
 Близъ тебя, прислушиваясь чутко,  
 Проведетъ всю ночь тоскующая мать!  
 Уложи съ собой, въ свою кроватку,  
 Пяца медвѣдя, старый мячь,  
 И любимую безногую лошадку...  
 Мы съ тобой ѣдимъ не очень сладко,  
 А игрушекъ много.. Только ты не плачь!

Это ничего, что мы съ тобою  
 Мало ѣли нынче и вчера...  
 Завтра утромъ, дитятко родное,  
 Я ѣду хлѣбъ хотя-бы съ бою,  
 Потерпи еще немного—до утра...  
 Можетъ быть, во снѣ увидишь, милый,  
 Много-много хлѣба, молока..  
 Видишь ты—какой худой и хилый...  
 Сохрани мнѣ Богъ побольше силы,  
 Сохрани мнѣ Боже милаго сынка!..

Мнѣ вчера хорошее приснилось:  
 Будто у меня работа есть,—  
 Будто Богъ послалъ такую милость..  
 Помню сердце больно больно билось:  
 Вѣдь большую радость—трудно перенести...  
 Если Богъ пойметъ мою заботу,  
 Можетъ быть, пошлетъ онъ, Всеблагой,  
 Не во снѣ, а въ жизни мнѣ работу.  
 О, тогда голодную тошноту  
 Мы съ тобой совсѣмъ забудемъ, мальчикъ мой!

Ты сегодня видѣлъ кровь людскую,  
 Испугался, звалъ скорѣе мать,  
 Началъ плакать, страшное почуя..  
 Бѣдный! Дай тебя я поцѣлую..  
 Не привыкъ еще.. а надо привыкать.  
 Не дрожи, мой мальчикъ: слышишь—тихо;  
 Не стрѣляютъ больше, не кричатъ...  
 Дастъ Господь—окончится шумиха,  
 Дастъ Господь не будетъ больше лиха,  
 Больше убивать не станетъ рата—братъ...  
 Спи родной.. забудь про адъ кромѣшный,  
 Отдохни.. А я не буду спать..  
 Не дрожи, не бойся, мой безгрѣшный:  
 Близъ тебя, рыдая безутѣшно,  
 Проведетъ всю ночь—тоскующая мать...

1918 г. 30 мая.

Г. Сокольскій.

Не живи какъ хочется, а живи какъ  
Богъ велитъ.

(РАЗСКАЗЪ).

День былъ чудный. Съ далекаго голубого неба, солнце свѣтило улыбаючись, рождая въ дыривыхъ мѣстахъ тѣни солнечныхъ «зайчиковъ», которые, при малѣйшемъ порывѣ вѣтра, мѣняли свои формы очертанія и прыгали съ одного мѣста на другое неудовимыми блестящими пятнами.

А въ городѣ, вотъ уже цѣлыя сутки, слышалась ружейная стрѣльба, назойливо трещали пулеметы, ахали и лопались разрывнымъ трескомъ орудійные снаряды, отъ которыхъ въ мѣстахъ попаданій все кувырбалось, обезображивалось, и уносились человѣческія жизни.

Кто-то просилъ и умолялъ о помощи, напоминалъ о христіанскомъ долгѣ и кто-то съ неистовствомъ проклиналъ силу власти, не считаясь съ послѣдствіями такой смѣлости.

Многіе неудомѣвали: что это значить? Но многіе и знали, что вся эта кровавая вакханалія произошла на почвѣ принудительнаго разоруженія чехо-словацкихъ эшелоновъ, идущихъ на востокъ.

Смерть, какъ тать, крадучись, блуждала по извивамъ улицъ, жадно пожирая человѣческія жертвы, изъ старыхъ и молодыхъ жизней, по разному нужныхъ и полезныхъ странѣ. Крупными прыгающими пятнами алѣла кровь и трупы искалѣченныхъ и изуродованныхъ людей, съ потухшимъ взоромъ въ глазахъ и съ нѣмымъ укоромъ на мертвыхъ устахъ, сгромадически взрвали на окружавшихъ ихъ, и казалось, что вотъ вотъ мертвый очнется и задастъ вопросъ: «За что мы погибли? Кто далъ вамъ право отнимать у насъ нашу жизнь? Кто?.. За что?.. Гдѣ-же завѣты Христа: «любите другъ друга».

Было грустно и больно... Душа сжималась мучительной болью, сердце тоскливо ныло, и мозгъ отказывался правильно формулировать событія грядущаго дня.

Все это сливалось въ одинъ общій жуткій хаосъ грустныхъ переживаній, отчего даже само небо, вдругъ стало заволакиваться хмурыми тучами, а позднѣе тяжелыя капли дождя—слезы неба, стало плодотворно смачивать грѣшную землю, на которой, въ какомъ-то безумномъ ослѣвленіи враждавали народы, не чуждые по духу и родные по человѣческому пониманію о братствѣ, равенствѣ и свободѣ, народы одинаково трактующіе о социализмѣ и одинаково жаждущіе жизни, только жизни!..

\* \* \*

Въ небольшой, но чистенькой квартирѣ слесаря Ивана Семенова, какъ и во многихъ домахъ обывателей, жили пугливой жутью. Самъ Иванъ еще не такъ боялся шальныхъ ружейныхъ пуль, трескотни пулеметовъ и рева орудій, какъ его семья: жена и дѣти.

Жена его, Аша, ступала по пятамъ мужа, а дѣти не отходили отъ родителей. Боязнь быть убитыми заставляла ихъ хорониться въ погребѣ, подвалѣ, а если и находились въ избѣ, то только въ положеніи лежачихъ на полу.

Было полуденное время. Ружейная и пулеметная стрѣльба какъ-бы стала рѣже слышаться и то, гдѣ-то на окраинѣ города и лишь пѣрѣдка, со стороны Трубочнаго завода, со стоющимъ ревомъ прогрѣмать орудіе, гулко рывкнетъ снарядъ при разрывѣ на мелкие части.

Семеновы немного вздохнули посвободише и безболненно находились въ своей квартирѣ.

Онъ сидѣлъ у окна, поглядывая наружу все еще съ тревогой. Тутъ-же возлѣ него, беззаботно играла его младшая дочь, дѣвочка лѣтъ 5-ти; въ другомъ концѣ стола сидѣли еще двѣ его дочери — подростки, а жена возилась возлѣ печки. Сына не было дома; онъ еще за день до кровавыхъ событий скрылся куда-то въ ближайшую деревню къ знакомымъ.

— И что это за жизнь пришла, — охала Анна: — хлѣба въ оческу, обути и одѣти нечего, а оскорбленій сколько угодно! А тутъ еще открыли стрѣльбу, прямо-таки не жизнь, а адъ! И когда это всему придетъ конецъ? Знать ужъ Богато мы забыли... Ну, къ чему убійства? Неужели мiръ сталъ малъ и жизнь не перестроится безъ драки?..

Иванъ не противорѣчая жене, зная напередъ, что его слова только могутъ еще больше взвинтить нервную и безъ того уже разбитую тяжелымъ физическимъ трудомъ женщину.

— Конечно, можно-бы создать жизнь хорошую, но мы не воспитаны къ государственному строительству. Теперь бы только познать свѣтъ, науку; теперь только и заняться облагораживанiемъ нашихъ душъ, а мы, на вотъ тебѣ, что дѣлаемъ, враждуемъ и грѣшимъ, едимъ другъ друга и убиваемъ...

— Ёрни — замѣтила Анна, на мигъ отрываясь отъ печки. — я все время теперь думаю поднять своихъ дѣтей по образцу, вѣдь образованному куда легче жгется на бѣломъ свѣтѣ...

— Да это такъ и должно быть. Не все же время будетъ муть, не вѣчно-же темная ночь, будетъ и день сияющій и радостный! Еще кто, а мы то стараемся устроить жизнь иначе, по лучшему.

— Ну, къ чему эта болтовня? Неужели мiръ съшелся виновомъ и людямъ стало жить тѣсно?.. Нѣтъ... Мы слѣпцы. Мiръ великъ и престестей у него для всѣхъ хватить, да мы-то ужъ счесть глупы, безчеловѣчны.

Иванъ глубоко-мысленно задумался надъ словами своей жены и надъ всѣмъ тѣмъ, что происходило теперь въ городѣ и ему вдругъ стало грустно и обидно. Онъ вѣдь не могъ уяснить сути этой авантюры и назойливая мысль: гдѣ правда? неистовно тѣснѣла его голову. Что-же такое социализмъ? — думалъ Семеновъ. — Ёдь не человѣческая же бѣда, не вещь, сколоченная на смѣхъ людямъ! Неужели это не истина, глубоко програвированная на сердцахъ всѣхъ народовъ. Неужели извѣлись тѣ люди, конхъ зычные голоса, какъ громовые раскаты, должны раздаваться по всей Руси великой, будя массу дремлющую тяжелымъ сномъ невѣжества, гдѣ тѣ люди, конхъ огневые слова правды, позоряція гудну ложь и предательство, должны зажечь сердца народа.

— Папа! Я пойду играть, я хочу играть... — прервала размышленiя Ивана его пятилѣтняя дочь.

— Нельзя, Нина, нельзя... Слышишь стрѣляютъ... Могутъ и убить...

— А это кто стрѣляетъ?

— Наши.

— Наши? А зачѣмъ они стрѣляютъ?

— Такъ надо.

— И убиваютъ?

— Если попадутъ, то и убиваютъ.

— А кого, папа, убиваютъ, человѣковъ?

— Да.

— А зачѣмъ они убиваютъ? Ты говорилъ убивать грѣшно... Боженька накажетъ.

— Да, да... Боженька за это накажетъ... Но ты, Нина, не ходи играть. — пытался отдѣлаться отецъ отъ вопросовъ дочери, отъ вопросовъ, на которые не могъ опредѣленно и понятно для ребенка, отвѣтить. Но ребенокъ приставалъ наивно, по дѣтски:

— Папа! Скажи, зачѣмъ они убиваютъ?.. За чѣмъ?..

Иванъ и самъ не зналъ, зачѣмъ люди другъ друга убиваютъ? Онъ дивился тому, что человѣкъ, разумное существо, способное творить что-то ибное и хорошее, способное создавать законы, вдругъ убиваетъ другого безъ всякой, жалости, дико, по-звѣрски.

А жить можно было бы куда хорошо и Божьяго мiра хватало-бы на всѣхъ въ избыткѣ...

— Папа! — снова приставала дѣвочка къ отцу: — я хочу играть... я пойду рвать цвѣты.

На дворѣ, у садового забора, среди молодой зеленой травы, видѣлись желтыя головки одуванчиковъ, которыхъ и нарвала дѣвочка и быстро вернулась въ квартиру.

Стрѣльба въ городѣ, кажется, совсѣмъ стихла. Правда, слышались отдѣльные ружейные выстрѣлы, но они уже не такъ дѣйствовали на нервы, какъ это 3—4 часа тому назадъ.

Но вотъ, неожиданно и вдругъ, совсѣмъ гдѣ-то близко, упалъ снарядъ, оглушительно рывкнулъ и затрещалъ крупной дробью. За нимъ, вскорѣ послышался другой, третiй...

— Господи! Никкакъ спять?

Неуспѣвъ Иванъ и проговорить, какъ бризантный снарядъ ударилъ въ воротный столбъ семенова двора, разорвался съ адскимъ ревомъ и густымъ снопомъ металлическихъ частей ворвался черезъ окно въ квартиру Ивана, внося смерть, разрушенiе и глубокий испугъ.

Маленькая пятилѣтняя дѣвочка, игравшая здѣсь среди незатѣйливыхъ игрушекъ и желтенькихъ цвѣтотъ, была убита на смерть, другiя двѣ дочери были тяжело ранены, ранило и самого Ивана въ нижнюю часть лѣвой ноги. И только Анна, возмешаясь у печки, отдѣлалась только испугомъ.

Раздался, раздражающiй душу, крикъ и плачъ.

— Мама!.. Больно, больно!..

Опомнившись отъ испуга, мать расплась къ дѣтямъ. Она обняла одну, спѣшитъ облегчить участь другой, а третью тѣмъ упала навзничъ возлѣ маленькой и зарыдала. А когда ея взоръ упалъ на мужа, лежавшаго на полу въ лужѣ крови, она громко вскрикнула, выпрямилась и замерла какъ-была въ такой позѣ. Въ ея воспаленномъ мозгу рельефно вырисовывалось безпомощное положенiе ея жизни въ будущемъ, и крылатая мечта о томъ, что хочется жить хорошо, но-человѣчески, не зная нужды, неожиданно и вдругъ смѣнилась суровой дѣйствительностью безотраднaго существованiя.

— Господи! Что-же я буду дѣлать? Я хотѣла жить, дышать свободно, жить счастливо... а Ты...

И женщина заплакала навзрыдъ, утѣнувшись лицомъ въ окенный косякъ.

\* \* \*

Иванъ почувствовалъ, что его ударило чѣмъ-то въ лѣвую ногу, обожгло и ошпарило чѣмъ-то острымъ горячимъ, от толкнуло назадъ, голова закружилась, отчего онъ потерялъ равновѣсiе и упалъ на полъ.

Промелькнули жена, дѣти, столъ, лавка, а затѣмъ Иванъ ничего непомнитъ. Сразу все измѣнилось. Въ глазахъ появились мутныя, неопредѣленной формы круги, въ ушахъ послышался звонъ металлическихъ колокольчиковъ. Затѣмъ тепло смѣнилось холодомъ, стрѣльба и орудiйная канонада слилась въ стройную симфонiю волшебной музыки, подъ звуки которой хотѣлось уйти въ вѣчность.

Но это было короткимъ мигомъ. Иванъ быстро очнулся и съ трудомъ выползъ наружу, прося народъ о помощи Сбѣ-

жалась людя, изъ которыхъ икоторыя безтолково толкалась на одномъ мѣстѣ, позадая ногами въ лужи крови.

Тутъ же появились носилки, — и всѣ раненые были бережно уложены и съ большой осторожностью перенесены въ одну изъ госпиталей, что находилось близъ желѣзнодорожнаго вокзала.

— И постигло же тебя товарищъ, несчастье! — бросилъ кто то съ чувствомъ Ивану.

— Хотѣлось жить по человѣчески, хотѣлось быть здоровымъ, счастливымъ, а тутъ на-тъ вотъ.. искалчили, изуродовали, сдѣлали негоднымъ на всю жизнь.

Люди слушали, смотрѣли, качали головами и вздыхали тяжело всей грудью; кто-то проклиналъ силу власти, не считаясь съ послѣдствіями такой смѣлости и кто то плазая.

А день былъ чудный; съ далекаго голубого неба, солнце свѣтило улыбаючися, рождая въ дырявыхъ мѣстахъ тѣни солнечныхъ «зайчиковъ», которые при малѣйшемъ порывѣ вѣтра, мѣняли свои формы очертавія и прыгали съ одного мѣста на другое, неуловимыми блестящими пятнами.

Петръ Страдалецъ.

## ЗА СЧАСТЬЕМЪ.

(Сказочка Ѡ Сѣверяна).

Пошелъ человѣкъ за счастьемъ. Вотъ онъ шель, шель долго шель, упорно преодолевая усталыми ногами пространства, и ложился кровавый слѣдъ позади его. Воспаленные глаза настойчиво не отрываясь блуждали по синѣющимъ вдаль горизонтамъ, а когда передъ человѣкомъ выросла гора, а синѣющая даль подкатывалась къ ногамъ его, торжествующая улыбка растягивала сухія губы путника, и онъ беззвучно шевилить ими:

— Скоро, скоро...

Вотъ сейчасъ взойду на гору и"... Выходилъ человѣкъ и... падалъ пораженнымъ — Гигантскимъ прыжкомъ тигра даль отскакивала за слѣдующую гору, и вдвое выше и неприступнѣе была та новая гора.

Вставалъ и шель человѣкъ шатаясь и не сводя по прежнему замороженныхъ глазъ своихъ съ подмигивающихъ далей.

Выходилъ и падалъ, и снова шель, и такъ долго, безконечно долго, ибо отскакивали синѣющія дали, лишь только подымался человѣкъ на гору.

\*  
\*  
\*

На одной изъ полянокъ встрѣтилъ человѣкъ старца. Сидитъ старецъ возлѣ ручья, помакиваетъ въ немъ хлѣбъ и закусываетъ, благославляя имя Господне.

— „Куда грядешь, мужъ мужественный?“ спрашиваетъ онъ путника.

— „Иду за счастьемъ“, отвѣчаетъ человѣкъ.

— „А гдѣ оно у тебя, родненькій?“ улынулся старецъ. Человѣкъ протянулъ руку и, указывая на синѣющую впередъ даль, сказалъ:

„Тамъ“..

Улыбается по прежнему старецъ и говоритъ:

— „Тамъ былъ я — не ходи: нѣтъ тамъ ничего. Въ ту сторону вонъ хаживалъ тоже, также... И туда, эвона, заглядывалъ, а оттуда — иду... Всѣ сторонники облетѣть, сѣтъ вотъ такъ съ кусочкомъ да съ Господомъ, заплакалъ, а счастье то-само ко мнѣ и прилетѣло.“

— „Что й-то ты неладное бредишь, старикъ“ сдвинулъ суровыя брови человѣкъ; поясни-ка притчу.

— „А вотъ слушай“.

Возвелъ горѣ очи старецъ сѣдовласый и произнесъ:

— „Господи! Ты еси...“

Станнымъ шумомъ наполнилась поляна и свѣтъ волшебный за сіять вокругъ. Четыре царскихъ чертога выросли передъ изумленнымъ взоромъ путника: золотой, серебряный, изумрудный и мраморный. Все утопало въ цвѣтахъ и зелени, въ рамкахъ которой огибала дворца граціозная эмбика рѣки. Въ хрустальномъ воздухѣ звенѣли голоса; сплетались и расплетались сходились и разлетались, и непонятно, говорили ли то человѣкъ, пѣла ли птичка лѣсная, журчалъ ли ручеекъ, ржалъ ли молодой стрекунецъ. Смутно дрожали невидимые колокольцы и струилось благовоніе церковнаго мира, и окутывалъ все въ причудливыя формы волшебный свѣтъ потайныхъ фонариковъ.

Хорошо здѣсь? — спросилъ старецъ.

Человѣкъ встрепенулся и произнесъ:

— „Чьи это чертоги?“

— „Мои, отвѣтилъ старецъ:“ — золотой дворецъ — дѣтство мое, серебряный — юность, изумрудный — мужество и мраморный — старость.

Теперь — я ужъ старикъ, а и то ежегодно захаживаю въ эти дворцы: въ золотой, — когда ручьи весенніе журчатъ, птички съ теплыхъ странъ возвращаются, зелена трава муравушка земельку одѣваетъ, и солнышко ласково всѣхъ грѣетъ; въ серебряномъ, — когда цвѣты цвѣтутъ и ягодки растутъ, грибки поспѣваютъ шичужки выводки въ голубыхъ озеркахъ плещутся, звѣрки молодые въ темномъ бору скачутъ кувиркаются и высокая зеленая трава подъ косою косца къ землѣ клонится; въ изумрудномъ, — когда плодовъ изобиліе радуетъ сердце трудолюбца; а въ мраморномъ — мой постоянный отдыхъ, когда велѣніемъ Вышняго спитъ-отдыхаетъ земля подъ бѣлыми пушистыми снѣгами.

Мое сердце исполнено радости при мысли о щедрости Господа Бога моего — и вотъ.. я распѣваю здѣсь святыя псалмы“. Съ этими словами старецъ запѣлъ дребезжащимъ голоскомъ:

— „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцехъ благоволеніе“. Поднялся, отдѣлился отъ земли и поплылъ надъ поляной, посылая падшему ницъ человѣку прощальную улыбку.

3 декабря  
1917 года.

Федоръ Севѣрякъ.

## Почтовый ящикъ.

Аннѣ Двинской: „Товарищъ“ пойдеть. Благодаримъ, Шлите еще.

Яну Алтаеву: Стихи не пойдуть.

Н. П. „Сонъ въ окопѣ“ не пойдеть.

Каширину: Стихи не пойдуть — слабы. Мѣшаетъ

ямбъ съ хорямъ, нѣтъ размѣра.

А. де Ливронъ „Жасмины“ пойдуть. — „Тайна“ не пойдеть.

А. Ермакову: Стихи не пойдуть. Рифма плоха. Размѣръ хорошъ. Обработайте

— примемъ съ благодарностью.

Н. Б.

Редакторы:

А. Т. Горшковъ.

Н. И. Баженовъ.

Г. З. Сокольскій.



# ОТКРЫТА ПОДПИСКА

— НА —

## ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ „ЭСТЕТИКА“.

Журналъ издается группой безработныхъ интеллигентовъ. Журналъ безпартійный и будетъ удѣлять исключительное вниманіе къ самому свѣжему, высокому и свободному проявленію человѣческаго духа.

Сотрудники: Б. Сорокинъ, Н. Баженовъ, Б. Карельскій, П. Страдалецъ, А. Горшковъ, В. Б. Анскій, Г. Сокольскій, Г. Сазоновъ, В. Розановъ и др. Принимаютъ близкое участіе В. Н. ЛАДЫЖЕНСКІИ, В. А. ВОЛЖИНЪ и другія мѣстные интеллигентныя силы.

Журналъ редактируютъ:

*А. М. Горшковъ.*

*Н. Н. Баженовъ.*

*С. З. Скольскій.*

Условія подписки: на 1 мѣс. — 4 р., 2 мѣс. — 8 р., 3 мѣс. — 12 р.

Съ подпиской просятъ обращаться по адресамъ:

Пенза.

Троицкая ул. д. № 60 кв. 7 ит. Г. З. Сокольскому.

Пушкинская ул. д. № 13 кв. 1 ит. Н. Н. Баженову.

Старо-Кузнечная ул. д. № 72 кв. 3 ит. А. Т. Горшкову.

### КЪ СВѢДѢНІЮ.

Приемъ всѣхъ сотрудниковъ для личныхъ бесѣдъ производится въ редакціи журн. „ЭСТЕТИКА“ ежедневно (кромѣ праздниковъ съ 12—3 час.

Адресъ. Лѣнарская у д. № 44. Солмонова.

(Бывшая Продовольствен. Типографія).

### ПРИГЛАШАЮТСЯ

### безработные интеллигенты

для разноски журнала: „ЭСТЕТИКА“.

Объ условіяхъ скидки справитесь по адресамъ, указаннымъ въ условіяхъ о подпискѣ.